

ЮЖНЫЙ КРАЙ

ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВА
БІБЛІОТЕКА ХДУ.
Інв. №

Воскресенье. 20-го Іюля 1908 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 9441.

АРМАНД ФАЛЬЕРЪ,
президентъ Французской республики.

„Права ли она?“.

Ихъ было двѣ сестры. Въ тотъ годъ, когда Константинъ Александровичъ Славскій началъ бывать у нихъ въ домѣ,— Вѣрочки было 15 лѣтъ. Худенькая, угловатая, съ большими, ясными голубыми глазами, на нѣжномъ личикѣ,—она казалась ребенкомъ. И въ семье она была на положеніи дѣвочки, учащейся.

Все вниманіе домашнихъ было обращено на старшую дочь, интересную дѣвушку, которой въ это время уже исполнилось 20 лѣтъ, и въ манерахъ и движеніяхъ которой уже появилась какая-то томность, какъ-бы затаенная страсть.

Привлекательность Зины и радушіе родителей дѣлало то, что въ домѣ у Вальковскихъ почти ежедневно собиралась молодежь. Каждый вечеръ изъ открытыхъ оконъ вливались въ темный старый садъ ихъ дачи подъ Москвой оживленные голоса, слышался смѣхъ, музыка, пѣніе... За Зиной ухаживали... И мало-кто

Н. А. Дмитревъ,
быв. редакторъ „Рідного Края“.
† 8 Іюля 1908 г.

обращалъ вниманіе на дѣтскую фигурку Вѣрочки, въ темнозеленомъ платьице съ чернымъ передникомъ. Мало кто замѣчалъ въ этомъ дѣтскомъ личикѣ—слѣды будущей красоты, мало кто читалъ въ этихъ глубокихъ голубыхъ глазахъ не дѣтскую серьезность. Ее не замѣчали,—и Вѣрочка не тужила надъ этимъ... Цѣлыми днями съ книгой въ рукахъ, она вся съ головой погружалась въ чтеніе. И время бѣжало. Одинъ за другимъ вставали въ головѣ Вѣрочки различные вопросы и дѣятельно, напряженно работала молодая мысль.

Въ это лѣто въ домѣ Вальковскихъ появилось новое лицо. На какомъ-то вечерѣ въ Москвѣ Зинѣ былъ представленъ Константинъ Александровичъ Славскій. Завязалось знакомство, и скоро Константинъ Александровичъ, какъ и остальная молодежь, ужъ обязательно два раза въ недѣлю посѣщалъ Вальковскихъ. Интересный, со средствами и со связями,—онъ скоро сдѣлался любимой темой и мечтой стариковъ Вальковскихъ, видѣвшихъ въ немъ мужа для

Зиночки. И Зина интересовалась Константиномъ Александровичемъ.

Что-то задорное, затаенное проглядывало въ ея лицѣ, голосѣ, когда она говорила съ нимъ. И не разъ отлаваясь полету фантазии, она видѣла себя его женой.

Быстро, весело прошелъ первый мѣсяцъ лѣта.. Все шло по старому.. Какъ вдругъ въ одно прекрасное утро все въ домѣ перевернулось.. Константинъ Александровичъ сдѣлалъ предложеніе.. — Вѣрочки.. И, Вѣрочка его приняла.. Долго, долго послѣ этого совершившагося факта не могли къ нему привыкнуть окружающіе Вѣрочку.. Совершенно новой, въ другомъ освѣщеніи, представлена передъ всѣми она. Ее какъ будто впервые замѣтили, — цѣлую недѣлю всѣ домашніе, какъ что то необыкновенное, разглядывали смущающуюся Вѣрочку.

А что же Вѣрочка? Господи, какой хасъ поднялся въ этой худенькой головкѣ послѣ этого вечера, когда, оставшись случайно съ Константиномъ Александровичемъ наединѣ, — онъ въ горячихъ, искреннихъ словахъ сказалъ ей, что она ее любить и умоляетъ ее стать его женой.

Всѣ струны души Вѣрочки были задѣты.. Трудно, невѣроятно трудно было разобраться во всѣхъ чувствахъ и мысляхъ, нахлынувшихъ на нее и перевернувшихъ все ея существованіе.

„Мужъ.. семья“, о, какъ звали, какъ молили Вѣрочку эти два слова; какой великой цѣлью наполнилась теперь ея жизнь.

„А, Константинъ Александровичъ, онъ любить,—онъ умный, добрый, — онъ лучше всѣхъ.. О, она полюбить его! Господи, сколько счастья впереди!“.

А тутъ еще глѣ-то глубоко въ душѣ звучала задѣтая струна честолюбія.. „Сестра.. ея досада.. Зависть подругъ..“ голова кругомъ шла..

Въ концѣ сентября — свадьба. Хлопоты, волненія.. Хотя Вѣрочка и относилась къ немъ вполнѣ пассивно, предоставивъ заботы жениху, матери, — но все же приходилось вмѣшиваться, выражать свой вкусъ.. Время летѣло..

Насталь день свадьбы. Какое-то странное ощущеніе схватило Вѣрочку.

Какъ въ туманѣ отдалась она всему совершающемуся, почти не замѣчая до-вольнаго, сияющаго лица жениха, не замѣчая гордости, съ какою онъ вѣль ее — дѣвочку, въ церкви, подъ шептомъ одобрѣнія ей, среди котораго слышалась жалость къ этой, такъ рано погибшей юности. Послѣ безконечнаго ужина съ шампанскимъ, поздравленіями и пожеланіями — въ 12 часовъ ночи молодые уѣхали въ Швейцарію.

Прошло пять лѣтъ.

Въ одномъ изъ губернскихъ городовъ, въ большомъ кабинетѣ собственнаго дома сидѣла за чтенiemъ Константинъ Александровичъ.. Въ кабинетѣ было тихо, уютно, тепло.. И съ интересомъ читая послѣднюю книжку „Русской Мисли“, — Константинъ Александровичъ весь отдался охватившему его миру, тишинѣ..

— Костя, можно? послышался вдругъ голосъ, и, приподнявъ тяжелую портьеру, — въ кабинетѣ вошла Вѣрочка..

Сильно измѣнилась за эти годы Вѣрочка. Ея худенькая, неразвитая фигурка, ея миляя, угловатыя манеры, ея скромная прическа остались тѣми-же..

Но навсегда исчезло дѣтское, ясное выраженіе ея лица и глазъ. Чѣ-то болѣзньное, рѣзкое появилось въ ея по-

худѣвшихъ чертахъ, въ выраженіи лица.. Какая-то непонятная, горькая складка легла около рта, и какой-то странный огонекъ мелькалъ въ ея все такихъ же красныхъ голубыхъ глазахъ. Вдѣбовокъ ко всему этому, въ эту минуту на щекахъ Вѣрочки горѣли два яркихъ пятна.. Она волновалась..

— Что тебѣ, Вѣра? встрѣтилъ Константинъ Александровичъ жену.

— Костя, я пришла.. начала молодая женщина, и вдругъ.. что-то надгреснутое, безконечно горькое зазвучало въ ея голосѣ, и, отчайно зарыдавъ, она опустилась на первый стулъ.. И изъ ея груди вырвалась стонъ..

— Костя, — больше не могу!..

Рыданіе потрясало ея худенькія плечи, и было что-то такое жалкое, беспомощное въ ея фигурѣ, что Константинъ Александровичъ горячо, отъ всего сердца заговорилъ:

Абдул Гамидъ, турецкий султанъ
(По случаю восстановления въ Турции конституції).

— Вѣрочка, — не надо!.. Полно.. Скажи, родная, что тебѣ надо, — я все слѣдаю.., и, прижалъ къ груди рыдающую Вѣрочку, онъ какъ ребенка началъ гладить ее по головѣ, закладывая за уши выбившіеся волосы ея скромной прически. Потрясенная лаской мужа, Вѣрочка рыдала еще сильнѣй, и только черезъ нѣсколько минутъ, — она горячо, страстно заговорила, спѣша, какъ-бы боясь, что онъ не дастъ ей логоворить все, что наиболѣе въ ея душѣ и что такъ неудержимо рвалось теперь наружу.

— Костя, — милый, добрый, — выслушай, пойми меня!.. Ты умный, Костя, ты можешь понять... — и вдругъ изъ ея груди отчайно вырвалось признаніе:

— Костя, — я люблю.. Люблю безумно, на всю жизнь и такъ же любима.. Ты только полумай, Костя, что это для меня.. И изъ устъ Вѣрочки полилась горячая, грустная исповѣдь ея жизни.

Жизнь безъ красокъ, безъ счастья!.. Вѣда, она видѣла, что онъ ошибся въ

ней, что женщины въ ней онъ не нашелъ, — а человѣка? Да искаль ли онъ его въ ней?!.. Не хотѣлъ ли онъ, женясь на ней, ребенка, самъ, по-своему создать изъ нея человѣка?.. И ты ошибся, Костя!.. Я не поддалась твоей логикѣ, такъ какъ умомъ и лушой я уже была не ребенкомъ.. Чѣ-то выходило.. Скора за скорой, столкновеніе за столкновеніемъ.. Я стала нервной, болѣй.. Я порчу жизнь тебѣ, себѣ, дѣтямъ.. Тяжело, Костя!.. Я глубоко была несчастна, ты видѣлъ это.. Вспоминать жутко, что я пережила. Какъ мало прожито, — какъ много пережито! — И вдругъ, Костя, пойми, я полюбила! Онъ теперь все для меня. И это не прихоть, Костя, не страсть.. Это вопросъ цѣлой жизни! Онъ зонетъ меня въ Петербургѣ на медицинскіе женскіе курсы.. Впереди наука, трудъ, счастье, разумная жизнь.. Я буду биться, искать, — я найду, Костя, то, что мнѣ надо. О, какъ жутко, какъ хорошо!.. И ты понимаешь, Костя, что не было бы у менѣ этого полнаго счастья, если бы я чувствовала, сознавала за собой твои, ваши проклятія, вашу ненависть.. И поэтому, Костя, я пришла къ тебѣ, какъ къ другу, умному, доброму другу, — не разбей мои вѣры въ тебя, въ твой умъ, въ твои великолѣдущія!.. Пойми меня.. Вѣда, ты выше, Костя, тѣхъ людей, которые приносятъ въ жертву мертвымъ, ложнымъ уображеніямъ, какому-нибудь никому не нужному долгу не только великіе, живые порывы души, но не останавливаются даже, если дѣло идетъ о цѣлой жизни. Я шла за тебя, Костя, дѣвочку, я не знала жизни, не знала себя.. А за эти пять лѣтъ, Боже, сколько я перелумала.. Я поняла, Костя, — что я въ клѣткѣ. И вообрази, я почувствовала, что эта клѣтка мнѣ мала! Она меня давить, душить, — мнѣ тѣсно въ ней!.. Костя, выпусти меня! — научи меня, погоди мнѣ..

Вѣрочка кончила.. Съ тоской заглядывая въ потемневшее лицо мужа, она опустилась рядомъ съ нимъ на диванъ, переживая все, что сейчасъ вырвалось изъ ея наболѣвшій груди.

Глубоко задумался Константинъ Александровичъ.. Тяжелую работу мысли переживалъ онъ. Передъ нимъ прошла вся исторія ихъ жизни за эти пять лѣтъ. Вспомнились имъ безконечные раздоры, имъ мучительные ссоры изъ-за пустяковъ.. Вспомнилась одна мучительная картина, которую память тщетно пытается забыть. Это было въ прошломъ году. Послѣ одной крупной ссоры — Вѣрочка не выдержала и къ вечеру металась въ страшныхъ мученіяхъ, выпивъ карболовой кислоты.. Ее спасъ ихъ докторъ..

Какъ живой всталъ передъ Константиномъ Александровичемъ симпатичный образъ этого человѣка, перевернувшій теперЬ всю жизнь Вѣрочки.. Тяжело стало на душѣ..

Долго сидѣли такъ они, полные новыхъ мыслей, чувствъ, тяжелыхъ воспоминаний. Безконечно много передумалось обоими за эти полчаса молчанія.

Первый очнулся и заговорилъ Константинъ Александровичъ. Тряхнувъ нервно головой, какъ бы отгоняя тяжелыя мысли, онъ мягко обратился къ задумавшейся Вѣрочки.

— Да! Вѣрочка, — ты не ошиблась во мнѣ.. Я твой другъ.. Я понялъ сейчасъ, Вѣра, все, что ты пережила, я понялъ, что ты не на мѣстѣ здѣсь.. и что я не въ правѣ помышлять громадному, хорошему счастью, которое ждетъ тебя.. Мнѣ мучительно тяжело.. но я переломлю себя,

Къ событиямъ въ Персіи.

Мохаммедъ-Али, персидскій шахъ.
Шахъ снятъ въ костѣмъ „Гіановъ“ — второй царствующей династіи въ Персіи.

А черезъ три дня Константинъ Александровичъ съ дѣтьми и тетей Соней провожали Вѣрочку на вокзалъ.

Передъ отѣзломъ Вѣрочки послала въ Петербургъ телеграмму: „Пріѣзжаю 10 го. Любо. Безконечно счастлива. Твоя Вѣра“.

Стоя на площадкѣ вагона курьерского поѣзда, въ ожиданіи третьего звонка, Вѣрочки вдругъ стало мучительно тяжело.. И вдругъ мелькнула мысль соскочить и остататься съ мужемъ и дѣтьми.

Но это была вспышка, минутное отступление. Впередъ, впередъ и безъ возврата, заговорила въ ней жизнь.. Прочитавъ въ глазахъ мужа свое настроение и понявъ, что и ему тяжело, она ободряюще взглянула на него и сказала: „Не отступай, Костя! Дорогой цѣнной покупается счастье“.

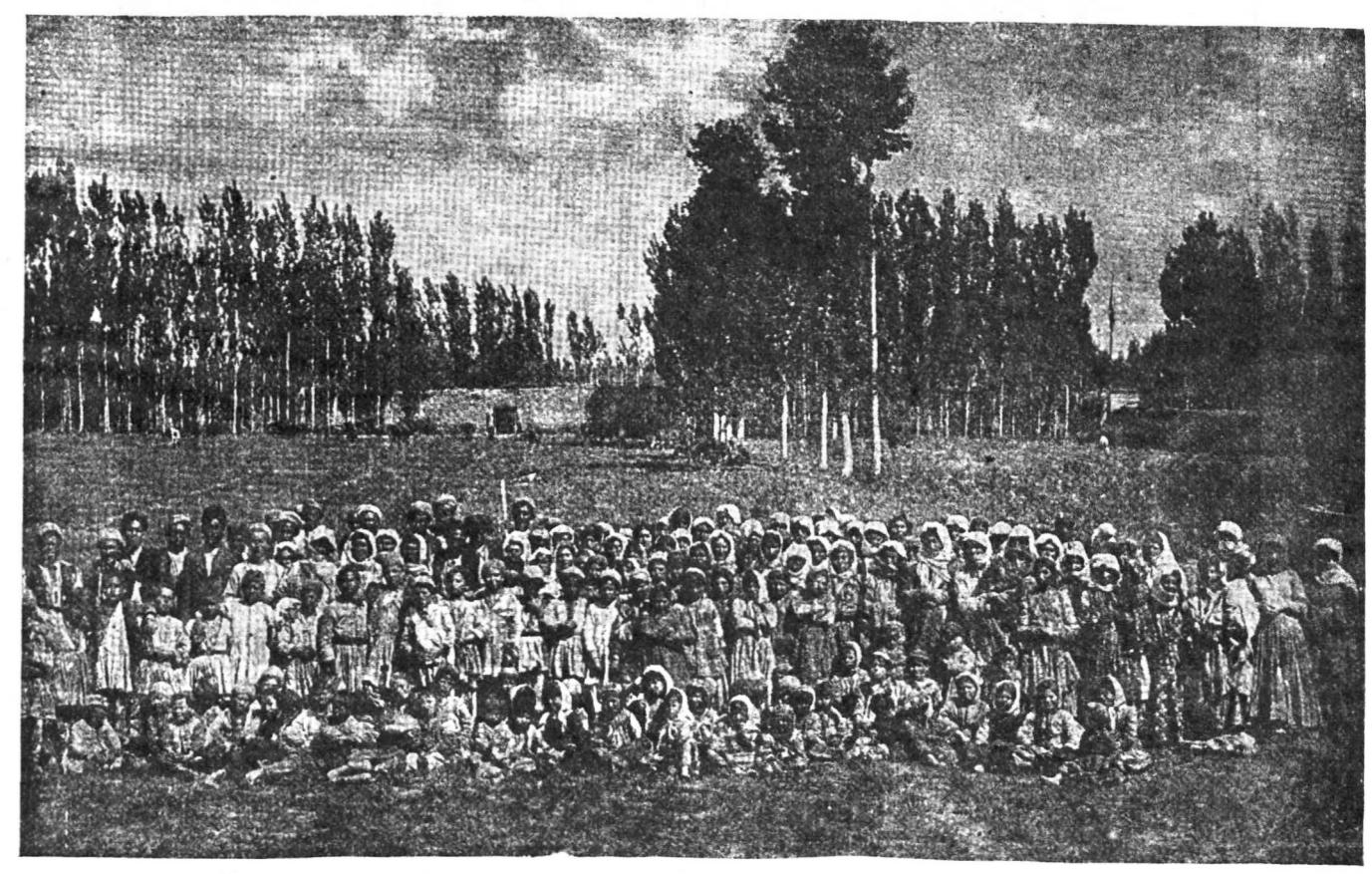
Но, Костя, мы съ тобой перешагнули уже черезъ самое мучительное, — перешагнемъ же и черезъ эти мучительные минуты.. Смѣле!..“.

И снова легко и отрадно стало на душѣ у обоихъ.

А черезъ нѣсколько минутъ поѣздъ мчалъ Вѣрочку на сѣверъ..

Впереди ее жали счастье, наука, трудъ.. И смѣло глядѣла передъ собой Вѣрочка, такъ безбоязненно перешагнувшая черезъ всѣ оживающіе ее упреки, клеветы и порицанія окружающихъ ее и не понимающихъ ее людей..

Н. Л.

Армянскіе бѣглецы изъ деревень, разграбленныхъ курдами, ищутъ уѣжища въ саду русскаго консульства.

Изъ мира литературы и искусства.

П. Е. Щеголевъ, высланный изъ Петербурга и поселившійся въ Юрьевѣ, нынѣ высланъ и изъ Юрьева: ген. Меллеръ Закомельскій издалъ распоряженіе о томъ, что П. Щеголевъ „какъ занимающійся скопкой офиціальныхъ документовъ“, высылается въ Астрахань.

Первый памятникъ А. П. Чехову открыть не въ Россіи, а въ Баденвейлерѣ, въ субботу, 12-го июня. Торжество было пышное и искреннее, но русскихъ на немъ было мало. Были рѣчи: академики Веселовскій и Боборыкинъ въ своихъ рѣчахъ очертили литературную дѣятельность писателя, а К. С. Станиславскій помянулъ значеніе А. П. для русского искусства и театра.

Любопытна точка зренія „Вѣсовъ“ на упреки въ порнографичности, направляемые по адресу М. Арцыбашева и Анатоля Каменскаго: „Увѣряемъ васъ— обращается къ читателю авторъ замѣтки „Вѣсовъ“ Н. Останинъ: порнографія существуетъ, она можетъ быть интересной, о ней стоять говорить и она имѣеть всѣ права на жизнь, но голая Лeda и поручикъ Нагурскій и Анатолій Каменскій не повинны въ ней“. По увѣренію „Вѣсовъ“,

Типы курдовъ, совершающихъ набѣги на пограничные области.

М. Арцыбашевъ и А. Каменскій разсказываютъ лишь „о нормальной половой жизни своихъ героевъ“.

Наливается цѣлый потокъ юбилейной литературы о Толстомъ; первымъ, уже, въ концѣ іюля, явится (въ изд. „Издат. Бюро“) изслѣдованіе Д. Н. Овсянико-Куликовскаго „Характеристика учения и произведеній Льва Толстого“.

Какъ заразительны нѣкоторые пріемы модернизма,—даже С. Гусевъ-Оренбургскій въ „Сказакахъ жизни“ („Знаніе“, XXIII сборникъ) отдаетъ имъ дань:

„Его родила необходимость. Она разсѣкла житейскую туманность на огненные вихри. Прилила огненные вихри, какъ шары, на ихъ орбиты“... „Разумъ поднялъ въ глубь чернаго неба свой багровый факель“.

Любопытна судьба имѣнія, где на днѣкъ сгорѣлъ домъ, въ которомъ долгое время жилъ М. Ю. Лермонтовъ. Это имѣніе—Тарны, Чембарск. у., Пензенской губ.—отъ Лермонтовыхъ перешло въ родъ Столыпиныхъ.

Большая зала во дворцѣ въ Тегеранѣ.